Если верны приведенные выше расчёты общей численности населения Древней Руси, равной примерно 2 млн. чел, то дальнейшее разворачивание этой линии рассуждения должна быть следующей.

Территория Руси может быть разделена примерно на 10 крупных регионов (земель, волостей, княжений, княжеств) уровня T_1 : Киевская, Переяславская, Черниговская, Галицкая, Волынская, Полоцкая, Смоленская, Ростово-Суздальская, Рязанская и Новгородская.

При самой грубой аппроксимации на каждую часть приходится по 200 000 жителей.

По грамоте Ростислава Смоленская земля разделена на 35 единиц обложения (вервей/погостов).

Примем эту цифру как среднюю.

Таким образом, на T_2 и T_3 (вервь или малая волость) приходится по 6 тыс. чел. Это цифра дает нам 3000 лиц мужского пола всех возрастов на вервь. Поскольку древнерусское общество – это общество почти сплошь молодое, с редким включением стариков, то боеспособный возраст условно мы определим в 15–30 лет. В современном мире дети 0-14 составляют примерно четверть населения. Однако, учитывая демографическую структуру доиндустриального общества, в котором средняя продолжительность жизни редко превышала 30 лет при высокой рождаемости и высокой детской смертности, они составляли более двух третей, ибо даже до 15 лет доживали далеко не все. Таким образом, боеспособных мужчин на вервь приходилось менее 1000 человек. Учитывая, что в случае необходимости на войну уходили не все (это видно, например, в летописной «Повести о Кожемяке»), вервь могла выставить несколько сотен бойцов. Что как раз соответствует известной по нарративным источникам номенклатуре. Вервь = сотня.

Конечно, приведенный расчет может служить лишь примерной прикидкой. Однако каждая его логическая связка может быть проверена элементарной математикой и в случае ошибки скорректирована.

1. Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития / А. В. Коротаев [и др.] ; отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина ; Российский гос. гуманитарный ун-т, фак. истории, политологии и права ; Российская акад. наук, Ин-т Африки, Ин-т востоковедения. – 3-е изд., существенно перераб. и доп. – М. : URSS, 2010. – 343 с.

2. Уставная жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. – М. : Наука, 1976. – С. 141–145.

3. Шапов, Я. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича / Я. Шапов // Археографический ежегодник за 1962 год. – М., 1963. – С. 37–47.

4. Doomsday: Friday, 13 November, A.D. 2026. At this date human population will approach infinity if it grows as it has grown in the last two millennia / H. von Foerster, P. Mora, L. Amiot // Science. – 1960. – № 132. – P. 1291–1295.

Сукина Л.Б.

ДРЕВНЕРУССКИЙ СОБОР НА МИНИАТЮРАХ ЛЕТОПИСЕЙ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА ИЗОБРАЖЕНИЙ

Ключевые слова: средневековая Русь, городской собор, лицевая летопись, книжная миниатюра, визуальный источник.

Французский историк-медиевист Ж. Дюби справедливо назвал Средние века в Европе «временем соборов» [9]. Это метафорическое определение эпохи, без сомнения, можно экстраполировать не только на все страны европейского Запада, но и на средневековую Русь. Главным символом Средневековья здесь также был городской собор. Крупные соборные храмы с X по XV в. строились во всех древнерусских княжеских

столицах и многих других городах. Некоторая часть из них сохранилась. Они неплохо изучены и продолжают исследоваться искусствоведами и археологами. Давно установлено, что в отличие от Европы в средневековой Руси не появилось новых конструктивных решений большого собора. Здесь развивалась заимствованная у Византии форма крестово-купольного храма. К примеру, она хорошо читается в постройках Владимиро-Суздальской Руси XII в: Спасо-Преображенском соборе в Переславле-Залесском, Успенском и Дмитриевском соборах во Владимире. На ее основе сложились традиционные формы русских одноглавых и пятиглавых храмов. Владимирский Успенский собор как главный храм великого княжества на века стал идеальным образцом столичной соборной церкви и был использован в качестве основы архитектурного решения Успенского собора Московского Кремля, построенного Аристотелем Фиораванти в 1475–1479 гг. Но гораздо меньше специального внимания уделялось и уделяется изображениям главных соборов (в Киеве, Новгороде, Владимире, Ростове и др. крупных городах), в том числе не дошедших до нашего времени, на миниатюрах русских лицевых книг, хотя таких изображений сохранилось значительное количество. Этой проблемы практически не касались и авторы фундаментальных исследований русской миниатюры А.В. Арциховский, О.И. Подобедова, А.А. Амосов, В.В. Морозов [2; 6; 1; 5] (перед ними стояли иные, более масштабные цели), и другие исследователи, занимавшиеся частными вопросами иконографии и семантики средневековой книжной иллюстрации.

Одна из главных причин такого невнимания к изображениям храмов на миниатюре – несоответствие (или весьма отдаленное соответствие) этих изображений реальному историческому облику большинства известных нам и ушедших в небытие построек. Это действительно так, и историк древнерусской архитектуры, занимающийся реконструкцией форм и деталей средневековых зданий, вряд ли сможет извлечь для себя много полезного из детального изучения иллюстраций рукописных книг. В данной работе мы хотим показать, что книжные миниатюры с изображениями соборов представляют интерес, в первую очередь, как визуальные источники, содержащие информацию, существенно дополняющую и корректирующую наши представления о том, как люди Средневековья оценивали место, роль и функции главного храма в городском социальном и культурном ландшафте. Это важно для развития историко-антропологических исследований, так как подобные сведения в письменных источниках того же времени либо вовсе отсутствуют, либо содержатся в недостаточно развернутом виде. Наши наблюдения и выводы основаны на изучении миниатюр Радзивилловской летописи конца XV в. и Лицевого летописного свода (далее ЛЛС) второй половины XVI в.

Не ставя перед собой искусствоведческую задачу сравнительного стилистического анализа миниатюр, созданных с разрывом почти в столетие, все же отметим важные для нашего исследования особенности работы художников-иллюминаторов. Иллюстрации Радзивилловской летописи выполнены в обобщенной манере, когда предметы и персонажи скорее обозначаются с использованием минимума характеризующих их деталей. В томах ЛЛС изображения сцен древнерусской истории значительно более подробны, со множеством любопытных элементов.

Как любые иллюстраторы во все времена, художники, сопровождавшие миниатюрами летописный рассказ, следовали за текстом. Но, как мы уже отметили, из него они не могли почерпнуть детальных и достоверных сведений о том, как выглядело то или иное здание на момент описываемых летописцем событий. Для того, чтобы изобразить эти важные детали визуального повествования, миниатюристы использовали иные знания (к примеру, почерпнутые из других изображений – книжных иллюстраций, икон, фресок, а позже и гравюр), а также массовые и личные представления о древнерусском соборном храме.

При иллюстрировании ранних летописных рассказов художникам приходилось изображать то, что они не могли видеть, но при этом не могли и обойти визуальным молчанием. К моменту создания миниатюр Радзивиловской летописи Десятинной церкви в Киеве в ее первоначальном виде уже не существовало. Миниатюристы (судя по всему, это был не один мастер), иллюстрируя эпизоды из истории Руси времени князя Владимира Святославича, изобразили этот древнейший соборный храм в виде одноглавой постройки с тремя полукружиями закомар в верхней части стены и с узкими арочными окнами [8, л. 67об., 74]. Несмотря на различающуюся нюансировку передачи этих форм, на разных иллюстрациях мы видим один и тот же тип постройки, родственной другим одноглавым храмам средневековой Руси, известный нам по памятникам древнерусской архитектуры XII–XIII вв. Здесь мы явно имеем дело с некоей визуальной традицией изображения древнего храма, возможно, восходящей к несохранившимся до нас листовым рукописям. Это наблюдение согласуется с давними выводами А.В. Арциховского (в свою очередь, ссылавшегося на работы А.А. Шахматова [7, с. 18–114] и Н.П. Кондакова [7, с. 115–127], первыми заметивших в композициях иллюстраций Радзивиловской летописи архаизирующие детали), что ее миниатюры опосредованно, через заимствования из иных византийских, славянских и древнерусских изображений, передают ранние реалии разных сфер жизни Руси [2, с. 4–40].

Одноглавый храм как типологический образ городского собора – устойчивый иконографический элемент и в общей массе миниатюр ЛЛС. Но кроме единственной главы остальные детали этих нарисованных храмов весьма разнообразны. В отличие от миниатюристов Радзивиловской летописи, мастера ЛЛС обращаются не к старой, закреплённой в известных им изображениях, традиции, а к актуальному визуальному опыту. В их время русская архитектура обогатилась новыми формами и мотивами. На одной из миниатюр первоначальный одноглавый Успенский собор во Владимире представляет собой ротонду, какой никогда не был [3, л. 290об.], – в качестве ближайшей визуальной аналогии такой постройки можно привести значительно более поздний столпообразный храм Петра Митрополита в московском Высокопетровском монастыре (1514–1515). На другой иллюстрации из того же тома ЛЛС Успенский собор имеет килевидные закомары-кокошники, распространившиеся в Московском государстве в XVI в. У многих древних храмов на миниатюрах можно увидеть еще одно позднее новшество – четырехскатную кровлю. Наряду с одноглавием, еще одним распространенным элементом изображений является пятиглавие, ставшее знаковой формой большого городского и монастырского собора также в XVI столетии. Реконструируя «древний» облик соборов в соответствии с актуальными представлениями о торжественном и монументальном характере главных зданий городов, художники-иллюминаторы говорили со своими заказчиками и зрителями на одном визуальном языке. Это позволяло сделать сюжет более понятным, приближенным к реалиям их времени.

Самый яркий пример анахронистического изображения архитектурных форм на миниатюрах ЛЛС – миниатюра, иллюстрирующая закладку и освящение в 1333 г. Архангельского собора Московского Кремля. В качестве готового храма художник XVI в. изобразил не первоначальную скромную постройку Ивана Калиты, а новое здание собора, возведенное в 1508 г. по проекту Алевиза Нового, с характерными для итальянского Ренессанса «пальметтами» в полукружиях закомар [4, л. 42об.]. Несомненно, что для людей эпохи Ивана Грозного некрополь московских правителей должен был выглядеть именно так.

Условность изображения архитектуры не мешала сравнительно достоверному визуальному рассказу о происходивших в соборах и возле них событиях, описанных в летописях. В средневековой Руси городские соборы служили княжескими

усыпальницами. Поэтому на летописных миниатюрах много сцен погребения. В Радзивилловской летописи изображены похороны Владимира Святого в Десятинной церкви [8, л. 74]. Тело князя в саркофаге спеленато саваном. Мы уже отмечали, что миниатюристы конца XV в. воспроизводили какие-то более древние визуальные образцы, но соответствовали ли заимствованные в них детали погребальным традициям начала XI в., неизвестно. На миниатюрах ЛЛС, изображающих погребение сына Андрея Боголюбского Мстислава († 1173) [3, л. 290об.] и великого князя Михалки Юрьевича († 1176) [3, л. 332об.], оба умерших – в княжеском платье (Мстислав простоволосый, а Михалко в княжеской шапке, подчеркивающей его высокий статус). В обеих сценах есть реальные исторические детали: князей хоронят в галерее собора, в белокаменных саркофагах, слуги держат белокаменные крышки, которыми должны закрыть гробницы. Письменные источники подтверждают, что эти и другие княжеские гробницы в XVI в. свободно могли видеть и жители Владимира, и многие приезжавшие в древнюю столицу Руси люди (владимирские князья тогда уже почитались как местные святые). Материалы археологических раскопок также свидетельствуют о том, что захоронения именно так и выглядели.

Успенский собор Владимира на миниатюрах ЛЛС фигурирует и как место других важных ритуалов в жизни великокняжеской семьи. Один из самых интересных сюжетов – венчание в 1250 г. митрополитом Киевским Кириллом II великого князя Андрея Ярославича и дочери Даниила Романовича Галицкого [3, л. 995об.]. Композиция миниатюры собрана в соответствии с иконописной традицией: храм изображен «в разрезе», чтобы показать действие происходящее в интерьере, облик изображенных (позы, жесты, костюмы, головные уборы) воспроизводит устойчивую традицию изображения знатных персон на иконах и фресках. Здесь запечатлено не само историческое событие как таковое, а визуальное представление о нем людей более поздней эпохи.

Итак, на миниатюрах лицевых летописей с изображениями городских соборов средневековой Руси и происходящих в них и возле них событий мы имеем дело с воображаемыми конструкциями. Они создавались из различных элементов: деталей действительно древних архитектурных построек и других артефактов, иконографических образцов, фрагментов современной художникам реальности городских пространств. Так видели прошлое и сами художники, и их заказчики. Это обстоятельство необходимо учитывать, исследуя подобные изображения как исторические источники.

1. Амосов, А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование / А. А. Амосов. – М. : Едиториал УРСС, 1998. – 392 с.

2. Арциховский, А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник / А. В. Арциховский. – М. : Изд-во МГУ. – 215 с.

3. Лицевой летописный свод. Лаптевский том // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. – F.IV.233. – 1005 л.

4. Лицевой летописный свод. Остермановский первый том // Библиотека Российской академии наук. Научно-исследовательский отдел рукописей (НИОР БАН). – 3.17.30-1. – 802 л.

5. Морозов, В. В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века / В. В. Морозов. – М. : Ин-дрик, 2005. – 285 с.

6. Подобедова, О. И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского летописания / О. И. Подобедова. – М. : Наука, 1965. – 336 с.

7. Радзивилловская или Кенигсбергская летопись: в 2 т. – СПб. : тип. И.Н. Скороходова, 1902. – Т. 2. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи / А.А. Шахматов, Н.П. Кондаков. – 127 с. [Общество любителей древней письменности (ОЛДП). Вып. СХVIII].

8. Радзивилловская летопись // Библиотека Российской академии наук. Научно-исследовательский отдел рукописей (НИОР БАН). – 34.5.30. – 354 л.

9. Duby, G. Le Temps des cathédrales. L'art et la société (980–1420) / G. Duby. – Paris : Gallimard, 1976. – 392 p.